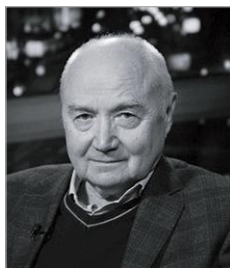

©2020 П.Д. ТИЩЕНКО

«ВРЕМЯ УБИВАТЬ, И ВРЕМЯ ВРАЧЕВАТЬ»: ЧЕЛОВЕК В СИТУАЦИИ ПАНДЕМИИ COVID-19

Тищенко Павел Дмитриевич — доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
E-mail: p.tishchenko@list.ru

Аннотация. Пандемия COVID-19 сформировала ситуацию, которая в качестве особого рода «прибора» позволила четче охарактеризовать становящиеся границы человеческого в человеке. В статье предлагается интерпретация строки У. Шекспира «The time is out of joint...» с привлечением семантики повтора «время... и время...» из библейской Книги Экклесиаста. Показано возвращение в ситуации пандемии ценностных установок социоцентричной модели врачевания, характерной для этоса войны, предполагающей оправданность жертв со стороны индивидов на алтарь общего блага. Обсуждаются угрожающие безопасности всего человечества последствия кризиса научной экспертизы, замещение понятийного мышления клиповым. Уточняется понятие биовласти, понимаемой в дополнительном отношении власти человека над жизнью в стиле М. Фуко и власти жизни над человеком в стиле идеи праздника Г.-Г. Гадамера. Эта дополнительность трактуется как сочленение двух типов временения, которые с опорой на библейскую традицию обозначены как «время врачевать, и время убивать». Власть над жизнью (направленное изменение, контроль и конструирование) оплачивается подчинением ей. В этой связи уточняется понятие биототалитаризма.

Ключевые слова: биовласть, биототалитаризм, время праздника, время труда, «смерть экспертизы», пандемия COVID-19, пациентоцентричная модель, социоцентричная модель, триаж, У. Шекспир.

Ссылка для цитирования: Тищенко П.Д. «Время убивать, и время врачевать»: человек в ситуации пандемии COVID-19 // Человек. 2020. Т. 31, № 6. С. 31–49. DOI: 10.31857/S023620070013081-6.

Всему свое время, и время всякой вещи под небом:
 время рождаться, и время умирать;
 время насаждать, и время вырывать посаженное;
 время убивать, и время врачевать;
 <...>
 время войне, и время миру.

Книга Экклесиаста

Обсуждение поставленной темы началось в выступлении автора на круглом столе журнала «Человек»¹. Были сформулированы в качестве предварительных положения, характеризующие феномен *человеческой ситуации* — существеннейших особенностей *обнаружения* в мире человека как *себя самого* в оптике чрезвычайной ситуации пандемии COVID-19. В данной ситуации повторяется экзистенциальное переживание вышибленности человека из устойчивых социальных луз (В.С. Библер), подвешенности в ускользящем миге настоящего, потерявшего связь со *своим* прошлым и будущим. Прошрое и будущее из освоенных, понятных и контролируемых квалификаций бытия, в котором человек *есть*, приобрели черты дикости, неконтролируемой стихийной угрозы. Гордыня человеческого *могущества*, еще вчера кружившая головы трансгуманистов посулами технологически обеспечиваемого бессмертия, посрамлена фактом *беспомощности* перед вызовом элементарно устроенного коронавируса. Биовласть как сеть дисциплинарно организованных практик господства человека *над жизнью* продуктивно функционирующего тела и успешно размножающейся человеческой популяции (М. Фуко) предъявила свою темную оборотную силу господства *жизни над* человеком, его политическими и экономическими институтами, что позволило поставить вопрос о биототалитаризме.

¹ См.: Человек. 2020. Т. 31, № 5.

В данной статье попробую дать более подробные разъяснения высказанных суждений, для начала обратившись к строкам У. Шекспира.

«Суставы» времени и их «вывихи»

Метафорически разрыв настоящего с прошлым и будущим был ранее интерпретирован, опираясь на проблемы перевода на русский язык знаменитой шекспировской строки «The time is out of joint...» из «Гамлета» Б.Л. Пастернаком и А.Д. Радловой. Пастернак использует близкую для господствующего сегодня физикалистского сознания метафору распавшейся связи моментов времени, напоминающей разорванную нить (траекторию движения). Радлова точнее, ближе к тексту переводит Шекспира: «Век вывихнут». «The time» — это не просто момент временения, но нечто большее, которому определенный артикль придает весомость века, причем не некоторого века, а этого — нашего века. Тем самым слово «век» раскрывает в себе смысл *эпохи*, по М. Хайдеггеру. Это уже не просто отметка на временной шкале человечества — XXI век, но целостность временения, связанная с особенностью раскрытия человеческого в человеке, — каменный век, железный и т.д. Хотя и Радлова, уловив смысл века в своем переводе, не смогла удержать смысл «вывиха сочленения сустава» («out of joint») времени. В каком же смысле так можно рассуждать о времени? Мне представляется, что это не просто прерванная связь моментов временения как цепочек *прошлое — настоящее — будущее*, но и нечто более фундаментальное.

Но какие у времени могут быть «суставы»? Современному сознанию, некритично отождествляющему движение с пространственным перемещением (иного движения научное мировоззрение не знает), уловить смысл шекспировской метафоры сложно. Эпиграф из Книги Экклесиаста несет в себе подсказку, напомнив читателю целую серию временных сочленений, построенных по схеме «время... и время...». В этом ритмичном повторе союз «и» как раз и выступает в роли «сустава», сочленяющего и одновременно расчленяющего разные режимы временения. Именно в нем возможен «вывих».

На присутствующий в шекспировских словах смысл повтора было обращено внимание в первой попытке истолкования: «Когда бы я ни родился — моя судьба вправит этот вывих» («That ever I was born to set it right!»). Здесь следует подчеркнуть смысловую нагрузку этого термина. Тезис и антитезис повтора не связаны между собой общим основанием, как пытается утверждать

П.Д. Тищенко
«Время убивать,
и время врачевать»:
человек
в ситуации пандемии
COVID-19

диалектика гегелевского типа. Они по-кантовски связаны (так же, как и элементы художественного произведения), непосредственно — без обосновывающего и тем самым снимающего различия понятийного основания. Если бы подобное основание было, то удерживаемые в качестве различных времена сами бы оказались поглощены субстанцией некоторого интегрального временения.

У. Шекспир придерживается рамок художественного мышления, особенности которого ясно звучат в повторах Книги Экклесиаста. Вот тут надо отметить, что в качестве «сустава» могут выступать не только союз «и», известный в этой функции по библейскому тексту, но и иные языковые средства, позволяющие удерживать одну перед другой различные формы временения, не дающие им слиться друг с другом. Так, для современного человека более знакома пауза, связывающая и разделяющая тезис и антитезис третьей кантовской антиномии². Она есть специфический «сустав» времени новоевропейской культуры, превращающий человека в жителя двух миров — мира природы и мира свободы. В потоке жизненных проявлений мы с детства обучаемся различать «сделал» и «сделалось», действия и телесные проявления, «bad» или «mad». Установление последнего различия в ситуации безумия поручено психиатрам, дающим экспертное заключение.

Есть время быть объектом *анонимных сил* — переживать страдание. Есть иное время — быть *вменяемым* субъектом, действовать (быть свободной причиной собственного движения), отвечать на порицания и похвалу. Временная гетерогенность — факт и условие человеческого существования. Различные культуры по-разному сочетали многообразие времен, выделяя каждому из них свое особое место в жизни человека. Аристотелевский фронезис — способность тактично и со вкусом сочетать несочетаемое, уместно действуя в рамках той или иной темпоральности (важнейшая добродетель нормально развитого человеческого существа).

Данное уточнение позволяет лучше понять состояние «подвешенности» в *миге* настоящего. Миг жизни, наше ускользающее *есть*, недостаточно интерпретировать просто как пустое понятие, так или иначе данное в представлении, — например, как порванную связь (нить) физического временения. Миг не только теряет связь с прошлым в припоминании и с будущим в ожидании, но

² Третья антиномия И. Канта — тезис: «Причинность по законам природы не есть единственная причинность, из которой могут быть выведены явления мира в целом. Для их объяснения необходимо признать еще свободную причинность» — и антитезис: «Нет никакой свободы, но все в мире происходит исключительно по законам природы» [2, с. 418–419].

сползает в «вывихнутую» паузу безвременья между временами. «Какое, милые, сейчас тысячелетие на дворе?» — по-пастернаковски восклицаешь, слушая заявления иных политических лидеров и «ведущих ученых» по поводу ситуации с испытанием вакцин против вируса SARS-CoV-2³ и отмечая странное безразличие к смыслу их высказываний со стороны «электората». Ведь есть, к примеру, опыт Нюрнбергского трибунала, наказавшего врачей за аморальные эксперименты на людях и разработавшего принципы исследований на человеке, и последующие международно признанные регламенты клинических испытаний, вошедшие в наше национальное законодательство. Но то было иное время, которое к событиям сегодняшней жизни в сознании людей «out of joint» отношения не имеет...

В ситуации пандемии COVID-19 время «вывихивается» во множестве «суставов». Опыт карантина и жизни «на удаленке» в определенном смысле представляет собой «вывих» одного из основополагающих временных сочленений между физически (неодушевленно) структурированным временем труда и наполненным жизнью временем праздника, в котором человек, озабоченный *рекреацией* — возрождением себя в теле или духе, — спешит на пляж или в церковь. Распались распорядок дня, различие рабочих часов и свободного времени, будней и праздников, частного (приватного) существования и существования публичного.

Настало время (а точнее — безвременье) чудес: как воды Иордана расступились когда-то перед Израилем, так и поток пандемии расступился (отступил), дав возможность провести праздники всенародного голосования и Победы... Да и сама пандемия потеряла для публики вид естественного, стихийного процесса, представ в форме специфического развлечения — своеобразных «скачек» на всемирном «ипподроме». Каждый день информационные каналы открываются сообщениями о том, кто вырвался вперед по заболеваемости, а кто — по смертности, кто лидирует и вот-вот перегонит всех с созданием и применением вакцины, кто на каком месте в этих «заездах». Причем, как и на скачках, на политическом «ипподроме» важна «победа», а то, как она будет достигнута — жульнически, срезая углы моральных и правовых норм или в честной конкуренции, — мало кого беспокоит. Главное — наши победили! Объективная информация как имманентное описание опасной будничной работы врачей и органов

П.Д. Тищенко
«Время убивать,
и время врачевать»:
человек
в ситуации пандемии
COVID-19

³ Severe Acute Respiratory Syndrome Coronavirus 2. Впервые выявленный 31.12.2019, вирус вызывает опасное заболевание, названное «COVID-19».

здравоохранения замещается в общественном сознании разнообразием глобального шоу.

Время труда сливается со временем праздника, становясь гибридным феноменом. Если раньше в той или иной форме они различались: «Шесть дней работай, и делай всякие дела твои; а день седьмой — суббота Господу Богу твоему» (Исх. 20, 2–17), — то в условиях пандемии «сустав» времени — миг, воплощенный в союзе «и», связывающий и разделяющий дни труда и день праздника, — «вывихивается». Аналогичным образом «вывихивается» «сустав», сочленяющий время производства и время продажи, совместного труда и стихии рынка.

Время производить, и время продавать

Особое время, необходимое для создания и производства лекарств и вакцин, заслоняется временем маркетинга еще не созданных продуктов. Поскольку в современном мире, как прозорливо определил полвека назад А. Вайда, — «всё на продажу», то в качестве товара-симулякра потребителю могут предлагать не только вакцину или лекарство, эффективность и безопасность которых пока не установлены, но и «продукты» власти в виде законов, приказов, деклараций, регламентов карантинных мероприятий и/или их (мер) материализаций: штрафов, средств индивидуальной защиты, социального дистанцирования, жизни в условиях самоизоляции. У всех этих товаров-симулякров не всегда может быть реальная потребительская стоимость в виде полезности для индивида или общества, но должно быть главное — аттрактивный товарный знак. Для власти — это знак авторитетного властного распоряжения. Чиновник или некий властный институт, занимающий ту или иную позицию в иерархии власти, издает распоряжение или выступает с каким-либо утверждением, весь смысл которого для него исчерпывается самим актом данного распоряжения или утверждения. Если, скажем, сегодня с утра некто, облеченный властью, утверждает нечто приятное для целевой аудитории, то уже к вечеру у него нет необходимости связать новое нечто, столь же приятное для той же аудитории, с тем, что было сказано утром. Каждое высказывание — отдельный продукт-симулякр маркетинга, размещенный на виртуальной «полке» информационного супермаркета рядом с другими.

Особого рода товаром-симулякром стало экспертное знание. Если раньше эксперт претендовал на то, что его научно обоснованное знание должно определять правильный образ жизни, правильные решения граждан, то ныне ситуация вывернута наизнанку.

Благодаря Интернету любой потребитель, а не только «президент» или «мэр», может найти эксперта, совет которого соответствует именно его личным желаниям и предпочтениям. Если раньше гонцы опасались лишиться головы, принося плохие, с точки зрения потребителя информационных услуг, вести, то теперь — не получить лайки или голоса подписчиков (избирателей): «Не забывайте ставить лайки и подписываться!» — призыв экспертов, звучащий по всему Интернету. Умный, знающий эксперт (врач, экономист, политолог, опытный «человек с улицы» и т.д.) произносит сей лозунг с иронией — он всего лишь усмехающийся над собой *раб* на информационных «галерах», зависящий от интернет-толпы лайкающих, подписчиков, ботов и прочих акторов рынка коммуникативных услуг.

В ситуации относительного благополучия вышеозначенные и иные негативные результаты *вывиха времени* можно было благодушно воспринимать в качестве неприятных, но неопасных особенностей современного сознания. В условиях же пандемии, когда на кон ставится нечто большее, чем просто благополучие, — *выживание человека*, — оценка этих тенденций меняется. Два пути решения поставленной проблемы соотносимы с двумя режимами человеческого существования, двумя формами временения — войны и мира, которые тематизированы в статье в виде аллюзии на фразу из библейского текста — «время убивать, и время врачевать». В ситуации пандемии происходит «вывих» связующего их тактичным сочленением и различием временного «сустава».

Ценности врачевания в режиме войны и мира

Медицина в качестве социального института современного типа возникла из нужд войны, из необходимости поддерживать боеспособность войск в бесконечных военных столкновениях. В Европе и России указанный процесс начался в середине XIX века и завершился после Первой мировой войны. В США национальная система здравоохранения в лице Национального института здоровья⁴ возникла из военного медицинского ведомства в ходе Второй мировой войны. Этос войны как органичного сочетания специфического онтологического понимания причин человеческих страданий и моральных ценностей, лежащих в основании врачевания, естественным образом возник в армейской жизни и затем транспонировался в структуры мирного сообщества, определив специфику классической *медицинской модели* оказания помощи.

П.Д. Тищенко
«Время убивать,
и время врачевать»:
человек
в ситуации пандемии
COVID-19

⁴ National Institutes of Health (NIH).

«Центральной темой медицинской модели выступает идея страдания как угрозы, которая внезапно нарушила предсуществовавшее состояние здоровья и благополучия. Подобная перспектива поддерживает милитаристскую идеологию медицины, ставшую общим местом в нашей культуре. Болезнь — это враг внутри нас. Пациент и врач заключают между собой “альянс” для того, чтобы, используя “вооружения” медицины, защитить потерпевшего и атаковать вторгшегося неприятеля. Восстановление состояния личности, которым она обладала до заболевания и лечебного процесса, является стратегической задачей этой военной кампании» [5, р. 9].

Основополагающее для медицинской модели экзистенциальное настроение напоминает состояние общества во время войны. В ситуации пандемии COVID-19 это состояние воспроизводится отчасти естественно, а отчасти преследуя как общие, так и частные интересы — его пытаются инсталлировать или имитировать государственные органы, фармацевтические компании, международные правительственные и неправительственные организации. Полем битвы становится страдающее тело больного. Источником опасности — внешний патологический агент (в нашем случае коронавирус). А путь к спасению видится как уничтожение врага за счет создания эффективного лекарства или установление над ним (врагом) контроля методами вакцинации населения. Это война *возвышен* (поскольку обнаруживает в человеке *большее*, чем его индивидуальное существование) и, в силу правды жизни, жесток.

Антиподом милитаристской классической модели медицины выступила *пациентоцентричная* модель, для которой характерен этос мирного, гражданского сообщества. К концу XX века она приобрела универсальный (глобальный) характер. Основные принципы пациентоцентричной модели врачевания воплощены в многочисленных биоэтических регламентах ВОЗ, ЮНЕСКО, Совета Европы и других международных организаций. Входят они и в российское законодательство, регламентируя права пациентов в сфере здравоохранения. Для проведения клинических исследований на человеке особую роль играют стандарты Надлежащей клинической практики⁵.

В рамках данной модели сквозь призму принципа, требующего уважения автономии пациента и выражающегося в его (пациента) участии (главным образом через процедуру информированного согласия) в определении (выборе) терапевтических действий,

⁵ Good Clinical Practice (GCP).

тракуются другие моральные ценности врачевания. Главное в принципе автономии заключается в том, что разумный ответ на любое телесное страдание человека или его угрозу предполагает не только адекватное действие врача, но и соответствующие изменения образа жизни пациента, его социального поведения — к примеру, ношение средств защиты и самоизоляция. Никто за него этого не сделает. В ситуации пандемии данное обстоятельство оказывается важным условием защиты не только отдельного человека, но и сообщества в целом.

Особую трактовку в рамках пациентоцентричной модели имеет принцип справедливости, который трактуется как проблема распределения дефицитных терапевтических ресурсов между членами общества, каждый из которых имеет *равные права* на доступ к ресурсам здравоохранения. В целом эта модель врачевания может быть охарактеризована как система *прав пациента* на получение (приобретение) медицинской помощи. Следует отметить, что ценностная система пациентоцентричной модели врачевания, основанная на принципе автономии, в основных чертах соответствует индивидуалистичным моральным нормам современного общества в *мирном режиме* своего существования. Она является органической частью системы здравоохранения, в рамках которой медицинская помощь интерпретируется как *услуга*, которая либо продается пациенту государством или частной медицинской компанией, либо предоставляется по государственным программам или программам ОМС. В этой системе права пациентов с правовой точки зрения в значительной степени совпадают с правами потребителей.

Пандемия COVID-19 выявила, а точнее, напомнила о смысле классической медицинской модели, в которой превалируют коллективистские этические нормы и соответствующие формы организации оказания медицинской помощи. Эту модель врачевания можно назвать *социоцентричной*. Примером подобного рода модели была советская система здравоохранения, характеризовавшаяся универсальной *иерархически структурированной* системой *доступности* медицинской помощи и *приоритетом* коллективных ценностей и интересов над индивидуальными. Принципы социоцентричной модели врачевания играют решающую роль в ситуациях ведения войны и близких по используемым моральным принципам практиках оказания медицинской помощи в очагах массовых поражений природных или техногенных катастроф [1]. В подобного рода чрезвычайных ситуациях в качестве приоритетной начинает выступать ценность *выживания* прежде всего конкретной человеческой общности (например, населения региона,

П.Д. Тищенко
«Время убивать,
и время врачевать»:
человек
в ситуации пандемии
COVID-19

государства или даже человечества), а уже во вторую очередь — ценность личного выживания и благополучия.

В данном случае в основе собственно моральных принципов лежит дилемма индивидуального и общего блага, которая формулируется как конфликт между правом каждого пациента получить полный объем помощи (доврачебной, врачебной и специализированной) для спасения своей жизни и интересом общества в условиях острого дефицита медицинских ресурсов (медицинского персонала, медикаментов, медицинской аппаратуры, времени и места) достичь максимизации *общего блага*. В зависимости от особенностей понимания общего блага можно выделить этактистские и утилитаристские варианты социоцентричной модели. В условиях ведения военных действий повсеместно применяется этактистская модель, в рамках которой центральное место занимают ценности государства. В качестве общего блага обычно выступает требование обеспечить в минимальный срок возвращение в строй максимального числа раненых. Поэтому, к примеру, в американской армии времен Второй мировой войны дефицитный пенициллин в первую очередь выделялся для лечения солдат, страдающих венерическими заболеваниями, а уже во вторую — страдающих тяжелыми с клинической точки зрения гнойными осложнениями ран. Первых быстрее можно было вернуть в действующую армию.

В ситуации катастроф речь обычно идет об общем увеличении числа выживших и выздоровевших пострадавших. В подобной практике реализуется *утилитаристский принцип* максимизации блага для максимально большого числа людей. При этом считается допустимым, что некоторая часть людей не получит помощи, то есть фактически будет принесена в жертву общему благу.

Механизмом функционирования социоцентричных моделей врачевания является медицинская сортировка пораженных (раненых), которая в зарубежной литературе обозначается термином *триаж*. Существуют различные системы медицинской сортировки (триажа), в большинстве случаев в них выделяются четыре группы пострадавших: 1) пациенты, нуждающиеся в оказании незамедлительной помощи, которая позволит им выжить (таких пациентов принято маркировать красным цветом); 2) пациенты, нуждающиеся в помощи, которая может быть отсрочена без снижения шансов на выживание (обычно маркируются желтым цветом); 3) пациенты, имеющие минимальные потребности в получении помощи, которая им может быть предоставлена после оказания помощи первым двум группам (обозначается зеленым цветом); 4) пациенты, выживание которых маловероятно даже при предоставлении адекватной помощи (маркируются синим цветом) [8]. Моральные принципы триажа применяются не только

в чрезвычайных ситуациях, но иногда и в случаях острого дефицита ресурсов в отделениях интенсивной терапии — например, при поступлении превышающего возможности данной клиники числа пациентов, которые нуждаются в реанимации. По мнению ВОЗ, принципы триажа играют решающую роль в обеспечении эффективного ответа на вызовы чрезвычайных ситуаций, включая ситуацию пандемии COVID-19 [9].

Сортировка (триаж) больных выражает общественные интересы, но вступает в противоречие с интересами отдельных граждан. Безусловно, если ресурсы позволяют, необходимо придерживаться ценностей пациентоцентричного врачевания, уважать каждого пациента как личность, включая его право на доступную и адекватную информацию о собственном состоянии здоровья, а также обязанность врача принимать наилучшие для конкретного пациента решения с учетом его состояния здоровья. В то же время применение подобного принципа ограничено тем обстоятельством, что в ситуации острого дефицита ресурсов оказания медицинской помощи возникает упомянутая дилемма общего и частного интереса. В «красной зоне» инфекционной больницы, работающей вследствие пандемии в режиме чрезвычайной ситуации, пациент максимально анонимизирован, редуцирован к опасному для врачей и общества контакту. Защита и обеспечение его прав, естественных с точки зрения *этоса мирного времени*, исключаются в «красной зоне» доминирующим *этосом войны* с опасным и безжалостным врагом — вирусом SARS-CoV-2.

Время врачевания как дефицитнейший ресурс предоставляется одним пациентам и не предоставляется другим, что в условиях мирного времени квалифицируется как непредоставление помощи, близкое по смыслу к умышленному (умысел ясно сформулирован) убийству. «Время врачевать, и время убивать» смещаются друг относительно друга, формируя зону неразличимости. По сообщениям СМИ, в Италии и Испании, столкнувшихся с серьезными проблемами дефицита мест в клиниках, оборудования и персонала в связи с распространением COVID-19, политиками и представителями общественности выдвигались предложения перераспределить ресурсы гериатрических больниц, изъяв у них аппараты искусственной вентиляции легких (ИВЛ) и рекрутировав часть медперсонала на борьбу с эпидемией. Имевшее место в нашей стране перепрофилирование специализированных клиник на борьбу с пандемией фактически означало ограничение прав пациентов с конкретной патологией получить своевременную высококвалифицированную помощь и умышленное оставление их без надлежащей помощи в опасном состоянии.

П.Д. Тищенко
«Время убивать,
и время врачевать»:
человек в ситуации
пандемии COVID-19

Подобного рода перераспределение временных и материальных ресурсов возможно и в более конкретных случаях, если начатое лечение в красной группе отсортированных пациентов оказывается неэффективным и конкретный пациент переводится решением врачей в синюю группу, что практически проявляется в прекращении активных, поддерживающих жизнь мероприятий. С точки зрения пациентоцентричной модели врачевания отключение пациента от аппарата ИВЛ выступает не просто действием, нарушающим его права и ускоряющим его смерть, но фактически актом пассивной эвтаназии. Однако с точки зрения социоцентричной модели, приспособленной к действию в чрезвычайных ситуациях, подобного рода практика в исключительных случаях не только необходима, но и морально оправдана желанием победить «врага» всеми доступными средствами.

Поскольку успех в войне с «врагами» (причинами болезней) зависит от степени развития биомедицинских знаний и технологий, для медицинской модели характерна общепризнанная практика принесения в жертву интересов, здоровья, а иногда и жизни отдельных граждан во имя прогресса науки и светлого здорового будущего всего человечества. История медицины XX века насыщена многочисленными примерами недобровольного использования пациентов и здоровых лиц (в том числе и детей) в биомедицинских экспериментах и клинических испытаниях. Наука, представляющая интерес *большого*, чем интерес отдельного человека, требует жертв и получает их именно постольку, поскольку этос войны продолжает определять базисные черты самоидентичности и врачей, и пациентов, а также и, в определенной степени, смысл врачевания в условиях пандемии. Желание разработчиков и производителей вакцин, ожидающих гарантированные баснословные выгоды, и государственных деятелей, стремящихся подкрепить тезис о «величии» своей страны, как можно раньше начать их применение, минуя необходимые фазы клинических испытаний (которые призваны доказать эффективность и безопасность вакцин), оправдывается этосом войны, допускающим жертвы некоторой части населения ради общей победы.

Анализируя позитивный и негативный опыт пандемии COVID-19, вероятно, необходимо будет внести поправки в идеологию современного здравоохранения. Его понимание как экономической по своему существу системы из основного и доминирующего должно стать частью целостного понимания медицинской деятельности как деятельной формы *милосердия*. Моральной сердцевиной врачевания как деятельного милосердия должны выступить не только частные интересы врача предоставить (продать) услугу, а пациента получить (купить) ее, но и *забота*

об общем благе, насущность которой продемонстрировала пандемия. Принцип автономии должен быть дополнен не менее важным для выживания человечества *принципом солидарности* перед лицом общей опасности.

Однако солидарность не может быть обеспечена в приказном порядке, опираясь на дисциплинарные полицейские санкции. Она строится лишь на *доверии* между гражданами, медициной и обществом. Как подчеркивает О.И. Кубарь, «особая этическая проблема во время пандемии, конечно же, связана с фактором достижения общественного доверия, согласованности и сотрудничества между профессионалами медиками и обществом. Очевидно, что доверие основывается на многокомпонентном и многолетнем опыте в оценке качества медицинского обслуживания и социальной защиты населения, что диктует непереносимое требование стабильного и гарантированного улучшения ситуации системы здравоохранения в будущем» [6, р. 15].

Между тем ситуация пандемии COVID-19 выявила и обострила еще одну фундаментальную проблему, стоящую перед современным человечеством. Столкнувшись с необходимостью дать научно обоснованный, согласованный ответ на вызов пандемии, человечество обнаружило себя в ситуации полной прострации вследствие того, что между наукой (в том числе медицинской) и обществом возник глубочайший кризис доверия, который маркируется как кризис или даже «смерть экспертизы».

Слепые поводыри слепых

Казалось бы, банальное суждение — в условиях глобальной угрозы, которая связывается с пандемией COVID-19, желательно, принимая решения, касающиеся личной жизни и тем более жизни целых сообществ, опираться на добротные знания и умения профессионалов. Однако этого не происходит. Рискованные болезненные решения, призванные предотвратить надвигающуюся угрозу, не получают авторитетного научного обоснования. На какое понимание, какое видение реальности ориентируются граждане и политические лидеры? На частное мнение удобных для себя отдельных представителей науки? Такой подход существует, но он не единственная причина негативного отношения представителей профанного сообщества (к которому можно отнести и представителей власти) к ученым.

Не так давно опубликована в русском переводе книга Т. Николса «Смерть экспертизы. Как Интернет убивает научные знания» [3]. Русский перевод подзаголовка неточен, так как в оригинале

П.Д. Тищенко
«Время убивать,
и время врачевать»: человек
в ситуации пандемии COVID-19

речь об Интернете не идет. Заголовок звучит так: «The Death of Expertise: The Campaign Against Established Knowledge and Why it Matters» [7]. Книга повествует прежде всего о смысле и значении мощной общественной, идеологической и политической компании против обоснованного и признанного (established) научного знания. Вне контекста этой компании ссылка на Интернет как угрозу научному знанию будет необоснованной.

Для Николса в центре проблем, позволяющих рассуждать о «смерти экспертизы», лежат мощные тенденции *переоценки ценностей* в отношениях между знанием и невежеством: «...хоть экспертное знание, или профессиональная компетентность, еще не погребено окончательно, ему грозит опасность. Что-то явно идет не так. В настоящее время Соединенные Штаты — страна, зафиксированная на преклонении перед своим невежеством» [3, с. 8]. Как лидер современного мира США оказывают влияние и на остальное человечество в обсуждаемом аспекте. В этом проявляется не только повсеместно встречающаяся традиционная нелюбовь в профанном сообществе к «яйцеголовым» интеллектуалам. «Нет, гораздо большей проблемой является то, что мы *гордимся* своим незнанием... Это новая “Декларация независимости”: мы теперь “считаем за очевидные истины” не только, что все люди сотворены равными, что им даны их Творцом некоторые неотъемлемые права и т.д., а любые мнения, даже заведомо неверные. Все поддается пониманию всякого, и каждое суждение по любому поводу хорошо, как любое другое» [там же, с. 9].

Осознание опасностей для общества, связанных с всепроникающей профанацией, вынуждает некоторых представителей научного и экспертного сообщества призывать к восстанию «против невежественных масс» [там же, с. 350]. Николс приводит показательный пример связи невежества и агрессии. В одном из опросов американского общественного мнения 2015 года респондентам был задан вопрос о том, стоит ли США вмешиваться в события на Украине, и если стоит, то как. Одновременно был предложен тест на знание географического положения этой страны. «В результате оказалось, что степень поддержки планов военного вторжения в Украину была прямо пропорциональна степени невежества относительно нее. Другими словами, люди, которые считали, что Украина находится в Латинской Америке или в Австралии, проявляли наибольший энтузиазм относительно применения вооруженной силы со стороны Соединенных Штатов» [там же, с. 9]. Не разделяя экстремистских призывов к «восстанию» экспертов, Николс вместе с тем признает огромное искушение невежественных людей (которыми легко могут манипулировать политики)

освободить себя от терзаний собственной совести, обоснованно связывающей необразованность с ленью и нежеланием учиться.

И все же Николса заботят не эти частные обстоятельства, а проблемы существования научной экспертизы как таковой. В основе его озабоченности лежит растущее недоверие к науке. Без обоснованной научной оценки невозможен эффективный ответ на угрожающие существованию человечества вызовы (к примеру, экологические), с которыми человечество с неизбежностью сталкивается. Вызов пандемии COVID-19 — один из таких экзистенциальных вызовов. Но общество, не доверяя ученым, считая их политически или финансово ангажированными (что зачастую недалеко от истины), практически закрывает для себя возможность дать более или менее правдоподобную оценку угрожающей ситуации, наметить рациональный путь решения возникших проблем, критически оценить предпринятые практические шаги и данные экспертами рекомендации.

Феномен и клип

Представляется, что в основаниях растущего недоверия к науке лежит не только печальный опыт примеров коррупции экспертных заключений. Наука предполагает связанность событий, происходящих в мире, их причинную обусловленность. В этом социальные науки не отличаются от естественных. В гуманитарных науках ситуация несколько сложнее, поскольку речь идет не об объяснениях через указания на причины, а о *понимании* путем выявления смысла. Но и здесь разыскание истины нуждается в предположении единства опыта, удерживающего *связанность событий* сознанием в качестве *феномена* некоторой обоснованной сущности. Любой человек, а не только ученый, утверждая о причинной детерминации чего-то или смысле чего-то иного, вынужден предполагать, что искусственно им самим выделенная система взаимодействий или смыслов представляет ситуацию в целом. Для меня в этом обстоятельстве выражается смысл *феномена* и заключается «скрепа» сознания, «собирающего» себя в некоторую цельность перед лицом многообразных вызовов эпохи. Массовое классическое сознание, конечно же, не может удержать перед собой мир в адекватной познавательной установке, но, формируясь в программах школьного и университетского образования по образу и подобию «Ученого», оно ожидает от других обращение к себе с указанием на связанный опыт причинных объяснений или смысловых пониманий.

П.Д. Тищенко
«Время убивать,
и время врачевать»:
человек в ситуации
пандемии COVID-19

Проблемы возникают тогда, когда массовое сознание погружается в ситуацию *клиповой культуры* (Э. Тоффлер, Ф. Гиренок). В нем время, обеспечивающее связь причин и смыслов, распадается на множество несвязанных, мелькающих друг за другом ярких, аттрактивных, алогичных клипов — своеобразных информационных обрезков или обрывков репродукций художественных произведений. Этот процесс происходит и в самой науке, все более и более зависящей от технологий Больших данных, которые заменяют исследование причин, связывающих события в более или менее упорядоченные последовательности, установлением эклектично соотнесенных друг с другом корреляций.

Клиповое сознание современного жителя Интернета не замечает проблем, когда один и тот же «эксперт» в течение дня меняет на противоположное свое заключение о вреде/пользе молочных продуктов из Белоруссии, минеральной воды из Грузии или помидоров из Турции. Каждое утверждение оценивается на привлекательность и риторическую убедительность как самостоятельный номер или реприза на концерте отдельно от других. Для клипового сознания не возникает проблем, когда около десятка судебно-психиатрических экспертиз в «деле полковника Буданова» делали одна за другой противоположные заключения, чутко улавливая перемены в общеполитической ситуации.

Теми же особенностями клипового сознания можно объяснить массовые случаи экологической экспертизы, происходящие под диктовку застройщиков или хозяев экологически неблагополучных предприятий, включая старые и новые свалки. Ведь и застройщики, и эксперты живут не на Луне. Загрязненные отходами свалок воздух и вода — это общее достояние и богатых, и бедных, и застройщиков, и покупателей квартир... Но их клиповое сознание не связывает в общую картину купленное за большие деньги элитное жилье и расположенную в сотне метров закрытую зеленым травяным ковром городскую свалку.

Стоит ли удивляться, что социальные акторы (от «президентов» до «кухарок») перед лицом вызовов пандемии COVID-19 выбирают в информационных потоках Интернета приятный и удобный для себя клип экспертного суждения. Если человек опасается за свою жизнь и здоровье, то можно найти строгое заключение эксперта, требующего обязательное ношение маски в общественных местах. Если он полагает, что вся ситуация с пандемией — это блеф, заговор фармацевтических компаний и связанных с ними коррумпированных политиков, то и для этой позиции найдутся свои эксперты, которые доходчиво и авторитетно докажут, что носить маски смысла нет. Суждение эксперта — просто товар, который люди либо покупают, либо нет.

Клиповое сознание человека общества потребления спутало время труда со временем праздника, знание и информацию с информационно подобными развлекательными клипами. М. Фуко предложил в свое время интереснейшую концепцию биовласти, в центре которой стояла претензия науки на истину и, следовательно, на власть [4]. *Сегодняшняя биовласть теряет свою связь с истинным знанием, обнаруживая в своей сердцевине аттрактивный, но беспомощный в смысле реального противостояния внешним угрозам клип.* Полагаю, что он появляется там не случайно. Это защитная реакция на распад «кокона доверия» (Э. Гидденс), так или иначе связанного с наукой и ее претензиями на истину. Когда серьезное знание и добротная информация оказываются скомпрометированными, то пережить возникающее состояние беспомощности позволяет переключение темпорального регистра со времени труда на время праздника.

* * *

Пандемия COVID-19 обличает гордыню (хюбрис) современного человека, который грезит мировым господством и технологически достигаемым бессмертием. Он со всей своей технологической *мощью* обнаруживает в своем основании *немощь*. Примитивнейший вирус, который может быть сконструирован (а может, и в самом деле был сконструирован?) во многих вирусологических лабораториях, ставит на колени человечество, вызвав глобальный экономический и политический кризис. Перед лицом этой немощи человечество впадает в приятный сон клипового сознания. «Слепые» лидеры, выбирая приятных для себя «экспертов», аттрактивно жестикулируя, претендуют на роль поводырей столь же подслеповатых граждан. Время праздника замещает время труда, позволяя пережить немощь и безболезненно отдаться всевластию биототалитаризма.

Литература

1. Гуревич К.Г., Тищенко П.Д., Фабрикант Е.Г., Юдин Б.Г. Этические проблемы оказания медицинской помощи в чрезвычайных ситуациях. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007.
2. Кант И. Критика чистого разума / пер с нем. Н. Лосского // Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964.
3. Николс Т. Смерть экспертизы: Как Интернет убивает научные знания: пер. с англ. М.: ЭКСМО, 2019.
4. Фуко М. Рождение биополитики: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с фр. М.: Наука, 2010.
5. Jennings B., Callahan D., Caplan L.A. Ethical and Policy Issue in Rehabilitation Medicine // A Hastings Center Report. Special Supplement. 1987. August.

П.Д. Тищенко
«Время убивать,
и время врачевать»:
человек
в ситуации пандемии
COVID-19

6. Kubar O.I. et al. Ethical Consideration Regarding COVID-19 // EC Microbiology. 2020. Special Iss. 02. P. 14–15.

7. Nichols Th.M. The Death of Expertise: The Campaign Against Established Knowledge and Why it Matters. Oxford: Oxford University Press, 2017.

8. World Health Organization (2005). Emergency Triage Assessment and Treatment (ETAT). URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/43386> (дата обращения: 01.08.2020).

9. World Health Organization (2020). Regional Office for the Western Pacific. Algorithm for COVID-19 Triage and Referral: Patient Triage and Referral for Resource-limited Settings During Community Transmission. Manila WHO Regional Office for the Western Pacific. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/331915> (дата обращения: 01.08.2020).

“Time to Kill, and Time to Heal”: The Human Being in a COVID-19 Pandemic

Pavel D. Tishchenko

DSc in Philosophy, Chief Researcher of the Sector for Humanitarian Expertise and Bioethics.

RAS Institute of Philosophy.

12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation.

E-mail: p.tishchenko@list.ru

Abstract. The COVID-19 pandemic has created a situation that, as a special kind of “device”, made it possible to more clearly characterize the emerging boundaries of the human essence in human beings. The article offers an interpretation of William Shakespeare’s line “The time is out of joint...” with the use of the semantics of the repetition “time... and time...” from the biblical Book of Ecclesiastes. The article shows the return in a pandemic situation of the value attitudes of the socio-centric model of healing, characteristic of the ethos of war, which presupposes the justification of human sacrifices on the altar of the common good. The consequences of the crisis of scientific expertise, the replacement of conceptual thinking with clip think, are discussed. The concept of biopower, understood in the additional relation of a person’s power over life in the style of M. Foucault and the power of life over a person in the style of the idea of the holiday of G.-G. Gadamer. This complementarity is understood as the articulation of two types of tenses, which, based on the biblical tradition, are designated as the time to heal and the time to kill. Power over life (directed change, control and construction) is paid for by submission to it. In this regard, the concept of biototalitarianism is clarified.

Keywords: biopower, biotalitarianism, festival time, labor time, “death of expertise”, COVID-19 pandemic, patient-centered model, socio-centered model, triage, W. Shakespeare.

For citation: Tishchenko P.D. “Time to Kill, and Time to Heal”: The Human Being in a COVID-19 Pandemic // Chelovek. 2020. Vol. 31, N 6. P. 31–49. DOI: 10.31857/S023620070013081-6.

References

1. Gurevich K.G., Tishchenko P.D., Fabrikant E.G., Yudin B.G. *Eticheskie problemy okazaniya medicinskoj pomoshchi v chrezvychajnyh situacijah* [Ethical Problems of Medical Care in Emergency Situations]. Moscow: Moscow University for the Humanities Publ., 2007.
2. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critics of Pure Reason], transl. from Germ. by N. Lossky. Kant I. *Sochineniya: v 6 t.* [Essays: in 6 vol.]. Vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 1964.
3. Nikols T. *Smert' ekspertizy: Kak Internet ubivaet nauchnye znaniya: per. s angl.* [Death of the Expertise: How the Internet is Killing Scientific Knowledge: transl. from Engl.]. Moscow: EKSMO Publ., 2019.
4. Foucault M. *Rozhdenie biopolitiki: Kurs lekcii, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu: per. s fr.* [The Birth of Biopolitics: Lectures at the College de France, 1978–1979: transl. from French]. Moscow: Nauka Publ., 2010.
5. Jennings B., Callahan D., Caplan L.A. Ethical and Policy Issue in Rehabilitation Medicine. *A Hastings Center Report. Special Supplement*. 1987. August.
6. Kubar O.I. et al. Ethical Consideration Regarding COVID-19. *EC Microbiology*. 2020. Special Iss. 02. P. 14–15.
7. Nichols Th.M. *The Death of Expertise: The Campaign Against Established Knowledge and Why it Matters*. Oxford: Oxford University Press, 2017.
8. World Health Organization (2005). *Emergency Triage Assessment and Treatment (ETAT)*. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/43386> (date of access: 01.08.2020).
9. World Health Organization (2020). *Regional Office for the Western Pacific. Algorithm for COVID-19 Triage and Referral: Patient Triage and Referral for Resource-limited Settings During Community Transmission. Manila WHO Regional Office for the Western Pacific*. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/331915> (date of access: 01.08.2020).

П.Д. Тищенко
«Время убивать,
и время врачевать»:
человек в ситуации пандемии COVID-19